

Судьбы империй и имперское мышление

Борис ЛЕПЕШКО,
кандидат
философских
наук, доктор
исторических наук

Внимание к теме, вынесенной в заголовок, объясняется несколькими причинами. Главная коренится в остром интересе, сохраняющемся по отношению к опыту жизни и гибели СССР – последней из известных империй, которая родилась и исчезла фактически на глазах одного поколения. Вторая обусловлена угрозой дальнейшего распада России. Не секрет, что сегодня раздаются многочисленные голоса, утверждающие, что Россия «незаслуженно» владеет столь громадными энергоресурсами и территориями. Проекты расчленения этой страны – реальность, с которой нельзя не считаться. Но судьба России – во многом и наша собственная судьба, каков бы ни был разброс мнений относительно характера объединяющих нас связей.

Нельзя не отметить живучести ностальгических настроений в современном белорусском обществе. С течением времени негатив забывается, и имперская жизнь в СССР окрашивается в некие позитивно-романтические тона, что психологически объяснимо: у многих из ныне живущих это связано с идеализацией собственной юности. Есть происходящему и иное толкование: судьбы народов империи и после ее исчезновения остаются тесно переплетенными. Географическое, историческое, культурное соседство неразрывно связано с соседством ментальным. В ходе анализа легко обнаружить, что признаков, объединяющих постсоветские народы и государства, намного больше, чем характеристик, их разъединяющих. И далеко не случайно, что СССР воспринимался даже не как империя, а как мощнейшая суперимперия, своего рода метрополия, в состав которой входили страны, объединенные термином «Восточная Европа».

Сегодня достаточно актуально звучит вопрос о судьбах империй в принципе: возможны ли они? Более того, а не являются ли их новым видом (формой) те объединения, которые создаются уже в XXI веке? Скажем, Европейский союз, современные США, Китай, Индия – это новые империи или некие принципиально новые государственные образования?

Стоит добавить, что термины «империя», «имперское мышление» и стоящие за ними реальные процессы и явления не

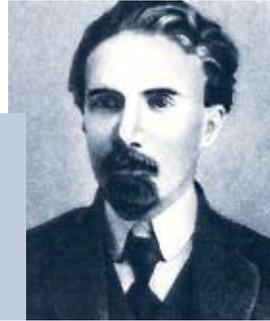
существуют изолированно. При обращении к их дефиниции возникает цепочка понятий, неразрывно связанных между собой, и наши попытки выстроить некую иерархию, соподчиненность, тождественность или, наоборот, подчеркнуть их несовместимость вызывают к жизни модификацию, интерпретацию концептуальных, методологических теорий и предпочтений. Например, если мы оперируем понятиями «династия» и «империя», то какое из них первично? Иначе говоря, на чем строится выбор концептуальных основ: на том факте, что династия формирует империю или же что правящая династия является следствием формирования империи? Вопрос не столь академичен, как это может показаться на первый взгляд. Скажем, государство в XVIII веке может быть объединено лишь династическим принципом. Однако с течением времени укрепляются бюрократический аппарат, формируется правящая элита, создается правовая основа существования социума. Появляются новые классы, социальные группы, формируются интересы, которые оформляются в виде идеологий, – в этой ситуации скрепляющим элементом государства является не столько династия, сколько само общество.

Или взять национализм, действительно демон империй, рожденный Великой французской буржуазной революцией 1789 года. Какова его роль как идеологии, как социальной методологии пони-

мания общественных процессов в судьбах монархий Европы, в частности австро-венгерской и российской? Ведь тот же габсбургский дом, веками правивший в Центральной Европе, казался вечным, поскольку достаточно успешно выполнял функцию верховного арбитра среди народов, составляющих империю. Мало того, в этой империи никогда не было титульной нации, династия Габсбургов не олицетворяла ее, хотя сакральный – божественный – ореол имел место. Но национализм нанес свой сокрушительный удар и по этой «вечной» империи, не пожалев ни монархического традиционализма, ни христианского консерватизма, ни иных основополагающих принципов существования центральноевропейских монархий конца XIX – начала XX века.

Очевидно, что переход от империи к национальному государству, как и процесс обратного рода – это всегда напряжение в жизни общества, а зачастую и катастрофа для многих его членов. Если вспомнить иные государства, входившие в состав империй и обретшие в силу тех или иных обстоятельств независимость, то их судьбу сложно назвать безоблачной. Скажем, Венгрия: после распада империи страна несколько лет просуществовала в рамках руководства либерального правительства, затем пришли коммунисты во главе с Б. Куном, затем последовал ав-

Георгий Петрович Федотов (1886–1951) – русский религиозный мыслитель, историк культуры, публицист

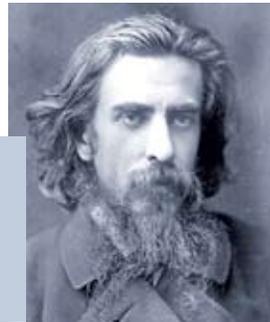
торитарный режим М. Хорти. Вскоре – союз с гитлеровской Германией, после поражения фашизма – вновь приход к власти коммунистов и апофеоз развития ситуации – восстание 1956 года. В этих констатациях мень-

ше всего желания «остановить» историческое развитие или придать ему комфортные формы – это задача заведомо невыполнимая. Но вот призывы любыми средствами избежать геополитических катастроф, сознательно способствовать

реформистскому, а не революционному пути могут найти понимание.

Один из корифеев темы русский философ, публицист Георгий Федотов в работе «Судьба империи» полагал, что «империя есть государство,

Владимир Сергеевич Соловьев (1853–1900) – русский философ, поэт, публицист

вышедшее за национальные границы, потому что национальное государство (если связать национальность с языком) явление довольно редкое в истории». Правильное определение империи, по мнению ученого, звучит так: «Это экспансия за пределы длительно устойчивых границ, перерастание сложившегося, исторически оформленного организма» [1, с. 319–320]. Но данное определение сегодня считается неполным, поскольку здесь фигурирует лишь один важный признак – «выход за пределы устойчивых границ», что признается недостаточным. Да и слово «экспансия» требует дополнительных комментариев.

Современные энциклопедии, словари в основном называют следующие характеристики империи: это многонациональное образование; в империях имеет место управление из одного центра при отсутствии четкого выделения метрополии; отдельный случай – колониальные империи, устанавливающие свое господство над политически и экономически

ОБ АВТОРЕ

ЛЕПЕШКО Борис Михайлович.

Родился в 1955 году в городе Волковыске Гродненской области. В 1978 году окончил Гродненский университет имени Я. Купалы. Работал заведующим орготделом Гродненского горкома ЛКСМБ (1978–1980). В 1983–1985 годах – доцент Брестского строительного института. С 1985 по 1991 год – лектор Брестского горкома КПБ, инструктор, заместитель заведующего отделом, заведующий идеологическим отделом Брестского обкома КПБ. С 1991 по 1995 год – доцент Брестского госуниверситета имени Пушкина. В 1995–2000 годах – председатель совета по делам религий и национальностей Брестского облисполкома, в 2000–2005 годах – декан юридического факультета, в 2005–2007 годах – первый проректор Брестского госуниверситета имени Пушкина. С 2007 года – профессор БрГУ имени Пушкина, профессор Опольского университета (Польша). Кандидат философских наук (1983), доктор исторических наук (2000), профессор философии (2001). Автор свыше 350 научных, литературных работ, статей. Среди них монографии, сборники публицистических работ, эссе, повести, статьи. Сфера научных интересов: логика, философия истории, методология познания.

зависимыми территориями. Важной и обязательной чертой выступает наличие некой наднациональной идеи, по терминологии выдающегося мыслителя Владимира Соловьева – «вселенской» идеи, идеи «всеединства», к тому же теократической.

Один из исследующих тему авторов полагает, что понятие «империя» – это симбиоз трех основных признаков. Первый связан с причинами возникновения такого рода государственных образований. В частности, империя может возникнуть в результате завоеваний (Римская империя), внешней колониальной политики (Британская империя) или внутренней колонизации (Российская империя). Вторым признаком в авторской интерпретации носит несколько обобщенно-отвлеченный характер: империя «своими географическими масштабами и геополитическими притязаниями превосходит обычные государства». Третий признак сводится к тому, что имперская политика обладает «повышенным трансгрессивно-агрессивным потенциалом», тяготеет к экспансионизму и силовым методам решения проблем [2, с. 107]. В рамках христианской интерпретации темы отмечается, что она присутствует и в Ветхом, и в Новом заветах. Что касается исторических империй, то их достаточно много: Древний Египет, Ассирийское, Вавилонское и Персидское царства, затем Греция эпохи Александра Македонского, Римская империя и т.д. В данном контексте не говорится об «идеях», речь идет именно о «размерах», соответствующем политическом поведении и типичных причинах возникновения.

Обращается внимание, что империя – это монархия, во главе которой стоит император. Но неясно, как в таком случае быть с государственными образованиями XX века? Скажем, СССР лишь чрезвычайно условно можно назвать «монархией», причем мера ненаучной по сути условности связана с тем, что всевластие руководителя партии связывается с всевластием императора в классических империях. Между тем тот факт, что Советский Союз являлся империей – общее место в рассуждениях не только публицистов, но и

серьезных исследователей. Предваряя выводы, заметим: то или иное определение понятия «империя» во многом связано с задачами, которые ставит перед собой конкретный автор, а иногда и прямо вытекает из политических и мировоззренческих предпосылок обращения к теме. Общепринятого, канонического определения данного понятия, по сути, не существует, и любой исследователь может либо систематизировать имеющиеся данные, либо предложить новую, авторскую концепцию понимания феномена.

Представляет интерес и то, что авторы академических монографий, обращающихся к «имперской» теме, деликатно обходят саму дефиницию, предпочитая сразу же перейти к собственно историческим проблемам. Типичный пример – фундаментальная работа Ю.А. Петросяна «Османская империя» [3]. Теоретические «экзерсисы» методологического, философско-исторического характера вообще отсутствуют, что, возможно, связано с авторской позицией и авторским выбором приоритетов.

А вот серьезная работа нашего земляка Я. Шимова «Австро-Венгерская империя». Это капитальный многостраничный труд, но попытаться понять, что, собственно, автор вкладывает в понятие «империя», возможно, только осилив его целиком. По мере знакомства с монографией можно сделать вывод, что история империи – это «семейная сага», поскольку история конкретной семьи (в данном случае Габсбургов) настолько тесно переплетается с историей, что одно от другого отделить невозможно. Империя – это масштабность тер-

риториальных завоеваний и политических, военных достижений. Это попытка решения национального вопроса и специфика управления конгломератом земель. Это существование

несхожих культур и принципы, на основе которых оно возможно. Это формы борьбы со временем, приспособления ко времени, поиски опорных принципов сосуществования со временем. Однако авторский вывод, согласно которому империя понимается как «крупное многонациональное государство, возникшее в результате военной экспансии и объединенное сильной централизованной авторитарной властью» [4, с. 570], воспринимается как недостаточный. Ведь в самом тексте работы имеет место масса указаний на то, что империя подразумевает и некую имперскую миссию, стремление к универсализации. Собственно, об этом не раз упоминает и сам автор.

В итоге можно говорить о существовании своего рода парадокса. С одной стороны, понятие «империя» воспринимается общественным сознанием как нечто вполне ясное и определенное. Скажем, это обязательно «завоевание», «большая территория», «насилие», «многонациональность», «универсальная идея» и некоторые иные характеристики. С другой – для представителей научного знания категория «империя» представляет собой системную дефиницию, коренящуюся в таких сферах обществоведения, как история, право, политология, психология, философия, социология. А единой, междисциплинарной дефиниции такого рода не существует.

Если далее говорить о Российской империи, к которой мы, белорусы, имеем прямое отношение, то данный статус она получила после победы в Северной войне, в 1721 году. Монархом, принявшим императорский титул, стал Петр Великий – деятель, о котором В. Соловьев говорил, что его сложно назвать «великим человеком», и не потому, что он недостаточно велик, а потому, что он «недостаточно человек». Особа императора считалась священной и неприкосновенной, он осуществлял исполнительную власть и издавал законы, руководил вооруженными силами. Несколько позже, уже в начале XX века, власть императора осуществлялась совместно с Государственной думой и Государственным

Картина
«Петр I
в Полтавском
сражении».
1714 год

советом, при этом закон не мог вступить в силу, если он не подписывался императором. Империя включала 81 губернию с населением более 100 народов и народностей, официальным государственным языком считался русский.

Это – обычная фактологическая канва вопроса. Однако на сегодня представляется более важным вынести на первый план метафизическую проблему: насколько сама идея империи присуща русскому национальному самосознанию? Ведь государственность чаще всего рассматривалась русскими людьми как нечто внешнее, не органичное для национального характера. Безгосударственность, стихийность – это органические формы жизнедеятельности народа, это протест против «позитивизма», «рационализма», поскольку хочется иного, не связывающего по ногам и рукам социального образования. Вполне может быть, что в этом контексте империя была близка русскому уму и русскому чувству как нечто безбрежное, не связанное с национальными, этнографическими границами, нечто вообще беспредметное, без всяких «измов» и признаков формально-логического толка. Причем подобное ощущение и понимание империи сопровождалось формированием жесткого бюрократического аппарата, превратившего российские города в города Глуповы и Радищевых. Антиномия? Но Николай Бердяев, рассматривающий данную проблему, был прав, говоря о том, что сочетание имперской государственности и протест такого рода государственности есть коренное отличие русского национального характе-

Первое заседание
Государственной
думы России.
1906 год

ра и русского опыта государственного строительства от всех иных, в частности европейских, попыток такого рода [5, с. 12]. Другими словами, имперская идея была

укоренена в русском характере, но она же была ему противна – в указанных рамках и смыслах.

Важную роль в формировании имперского сознания – с одной стороны, и его критике, с другой, сыграл В. Соловьев. Дело в том, что выдающийся русский философ сделал чрезвычайно много в рамках развенчания «отвлеченных начал» славянофильства, показав всю ущербность развития с точки зрения националистической идеологии. Тяга мыслителя к католицизму, за что он подвергался резкой критике, оправдана в одном, как минимум, смысле – она была обусловлена тягой к универсализму, стремлением к объединению разнородных «начал» знания и социальной практики, попыткой гармонизировать мир и теорию. Ведь и теорию культурно-исторических типов Николая Данилевского Соловьев критиковал за то, что автор «России и Европы» «не осознал» главного: в мире идет процесс «солидарности между всеми частями человеческого рода», а не разъединения на отдельные культурные и исторические типы. В работе «Русская идея», опубликованной в 1888 году, мыслитель обозначил универсальную идею, свойственную русским вообще и российской империи в частности. Это – исключение национального эгоизма из теории и практики общественной и государственной жизни, работа на «человечество», а не на «нацию», вселенская христианская истина как идеал. Заметим, что эти привычные для национального самосознания идеи сопровождалась протестом мыслителя против русификации Польши, а Берлинский конгресс, униживший страну, рассматривался им как наказание России за ее исторические грехи [6, с. 193]. Кстати, вспомним, что и сам Владимир Соловьев не имел дома, раздавал направо и налево все, что имел, не был связан семьей, партией, какими-либо условностями, в том числе и «имперского» характера.

Для В. Соловьева было бесспорным, что историческая миссия Российской империи как раз и заключается во всеобщем синтезе разнородных начал: православие должно слиться с католицизмом (сво-

Титульный лист книги В. Соловьева «Русская идея», изданной в Москве в 1911 году

бодная теократия), «зло» капитализма должно быть уравновешено «правдой» социализма, в иерархии предпочтений на первом месте должна быть мораль и так далее. Вообще, для всех выдающихся русских мыслителей поиск «высшей правды», которую должна реализовать Российская империя, был определяющим. Н. Данилевский говорил: «Мы не европейцы», ту же мысль продолжал Федор Достоевский, однако оба были противниками претензий на какую бы то ни было национальную исключительность. «Русская идея, может быть, будет синтезом всех тех идей, которые с таким упорством, с таким мужеством развивает Европа в своих национальностях» [7, с. 12–13], – это из публицистики Ф. Достоевского. Логическое ударение надо делать на слове «синтез». «Революции основаны на энтузиазме, царства – на терпении. Революции исходят из молодого «я». Царства – из покорности судьбе» [8, с. 744], – это из «Опавших листьев» В. Розанова. А еще можно вспомнить «западный» контекст размышлений А. Герцена, славянофильские поиски «высшей правды» А. Хомякова и многое другое. Сути это не меняет:

Александр Иванович Герцен (1812–1870) – русский революционер, писатель, философ и публицист

Алексей Степанович Хомяков (1804–1860) – один из наиболее видных вождей славянофильства

национальная общественная мысль, как правило, ставила на первый план общественное и лишь затем национальное; приоритет в иерархии имперских идей всегда отдавался фактору религиозному и моральному; основополагающая идея была далека от прагматических условий ее осуществления; о самоценности империи мало кто рассуждал, скорее она воспринималась как некая органическая и неизменная данность.

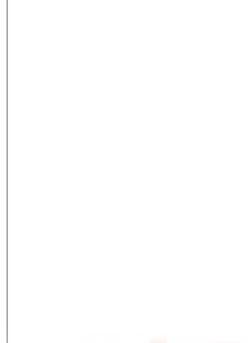
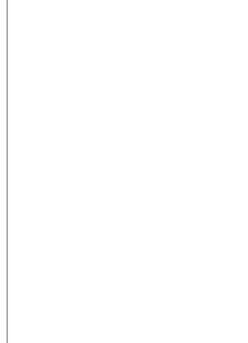
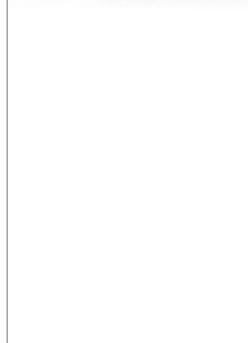
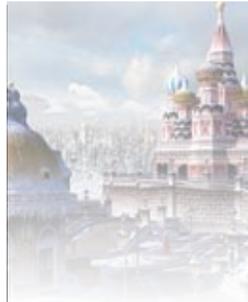
Само историческое появление империи воспринималось как результат органического развития государства, споры шли

лишь по поводу фигуры преобразователя Петра. Альтернативы общественного развития (империя – не империя) не рассматривались вовсе, дискуссия имела место лишь в части «необходимости сохранения империи» или «необходимости разрушения империи». К чему привели эти дискуссии, общеизвестно, но вот что интересно: появившийся на обломках Российской империи СССР стал восприниматься как наследник и имперской практики, и имперского мышления, и это ни для кого не стало неожиданностью.

По отношению к империям со стороны исследователей, просто любопытствующих граждан существует некий гносеологический стандарт. Перечень познавательных вопросов во многом повторяется: почему возникла (рухнула) та или иная империя; могла данная империя существовать в дальнейшем или же ее ресурсы были исчерпаны; самостоятельно та или иная империя распалась или же кто-то «помог» этому процессу и так далее. Но попробуем вначале определить: а был ли СССР империей?

С одной стороны, ответ однозначно утвердительный. СССР возник на обломках Российской империи и фактически наследовал не только территории, многонациональное народонаселение, своего рода конгломерат народов, но и геополитическую роль своей предшественницы. В этом, кстати, заключается некая предопределенность, фатумность появления и функционирования империй. Иными словами, в данном случае конкретная страна объективно была призвана играть роль лидера, причем не только в своем регионе. Налицо были и прочие существенные признаки империи: сильная централизованная власть, чем-то напоминающая классические монархии прошлого, активная экспансионистская политика, правда, специфическая (вспомним деятельность Коминтерна), да и универсальная (в данном случае – коммунистическая) идея была налицо.

Коммунистический идеал выглядел не столько утопическим инструментарием, сколько реальной практикой действия, одушевляющей массы и действительно способствующей выдающимся достиже-

ниям советского общества. Советская империя в каком-то смысле была похожа на классическую империю времен Александра Македонского: постоянное движение вширь, вовлечение в свою орбиту все новых стран и народов. Присутствовал также тот фактор, который Л. Гумилев называл пассионарностью. Достаточно вспомнить в связи с этим победу в Великой Отечественной войне – пассионарии гибли миллионами, но родину спасли. К перечисленному надо обязательно добавить попытки мирным путем ассимилировать соседние народы. Правда, если Александр Великий с этой целью женил своих военачальников на принцессах из покоренных стран, то советские лидеры решали такого рода задачи путем культурно-образовательной экспансии, между прочим, реально способствующей подъему национальных окраин и вовлечению в орбиту советской идеологии все новых адептов.

Но, с другой стороны, мы можем утверждать, что в строгом формально-логическом смысле СССР назвать империей сложно, поскольку данное понятие связано, например, с реализацией монархического принципа, и империя без императора выглядит так же, как федерация без ее членов. Советские лидеры, представители национальной общественной науки не использовали термин «империя», скорее это было признаком советологических работ, издающихся на Западе. В их контексте данное слово всегда носило негативный характер. Достаточно вспомнить известное замечание одного из американских президентов XX века о том, что советская «империя зла» реально существует, и она должна быть разрушена. Правда, те же американские советологи вряд ли предполагали, что геополитические акценты вскоре изменятся и многие оппозиционно настроенные к американскому политическому режиму исследователи и политики заговорят о скором и неминуемом крахе новой «последней» империи – США. Но это – отдельная тема.

На наш взгляд, разрешение данного противоречия связано с пониманием той социальной реальности, к которой мы обращаемся. Ведь и руководители

империй вовсе не обязательно были «носителями» императорского титула, скорее, мы имеем дело с царями. Более того, если мы вспомним историю Британской империи, крупнейшей из современных империй, то заметим, что даже в период ее наивысшего расцвета речь не шла о том, что во главе метрополии стоит «император». Не годился на эту роль, скажем, премьер-министр Уинстон Черчилль, хотя надо признать, именно этот человек сделал все возможное для спасения Британской империи. Что уж говорить о Британском содружестве наций. Таким образом, в данном случае формально-логический критерий может быть рассмотрен лишь в качестве второстепенного.

СССР был империей, и весьма могущественной, правда, период ее жизни оказался чрезвычайно мал – даже по сравнению с современными образованиями такого рода. В один ряд (в рамках временного фактора) с СССР можно поставить разве что Французскую империю, которая была учреждена Наполеоном Бонапартом в 1804 году, но уже в 1814 практически прекратила свое существование. Но, как для нас очевидно, временной фактор в контексте рассматриваемых нами проблем также далеко не главный. Гораздо важнее обратиться к сущностным характеристикам существования советской империи.

Прежде всего, в каком-то смысле мы можем утверждать, что Советский Союз повторил судьбу Российской империи, наследником которой и был. Он пережил кровопролитнейшую мировую войну, потерпел поражение в результате комплекса причин внутреннего и внешнего характера, боролся на западных рубежах, отстаивая свое лидерское присутствие на Востоке, достиг впечатляющих успехов, которыми так и не успел толком воспользоваться. Несложно заметить, что советское руководство во многом столкнулось с теми же проблемами, которые пытались решить власти императорской России. Строительство железных дорог и решение энергетических проблем, гармонизация межнациональных отношений и культурная революция, аграрное переустройство и формирование базы отечественного ма-

шиностроения – словом, параллелей достаточно.

Вторая важнейшая характеристика связана с ролью коммунистической идеи. Да, Советский Союз не дал теоретиков, мыслителей масштаба Н. Бердяева и В. Соловьева, Ф. Достоевского и Л. Толстого, В. Розанова и К. Леонтьева, к слову, весьма далеких от коммунистических идеалов. Однако та энергия, та последовательность и целеустремленность, благодаря которым был использован потенциал накопленного человечеством гуманистических социалистических и коммунистических идей, не могут не поражать до сих пор. Все возражения, связанные с констатацией того, что «права человека постоянно нарушались», «подлинная демократия отсутствовала» и т.п., могут быть дезавуированы двумя соображениями. Во-первых, мы рассматриваем конкретный тип общества, со всеми его достоинствами и недостатками в условиях конкретно-исторической действительности. Во-вторых, назовите ту империю, которая была бы лишена подобного рода недостатков. Может быть, речь идет о США, ведущих перманентные войны во всех уголках планеты?

Вообще-то понимание того, что называть «позитивным», а что «негативным» в жизни и судьбах империй, достаточно условно. Скажем, империя Чингисхана воспринимается монголами как выдающееся явление национальной истории, а вот славяне, да и европейцы в целом, оценивают ее существование в критическом ракурсе. Можно и в полете Юрия Гагарина увидеть негативный подтекст – ведь космическая программа была осуществлена за счет напряжения сил всего народа. Но, вместе с тем, великие, реальные достижения, которые были реализованы в эпоху СССР, бесспорны.

Разговоры о том, что империи «сходят» с арены для того, чтобы дать дорогу процветанию национальных государств, надо оценивать с известной долей сомнения. Здесь нет прямых зависимостей, история это многократно доказывала и продолжает доказывать на наших глазах.

В преддверии российских парламентских и президентских выборов премьер-министр соседней страны В. Путин вы-

Президенты
Беларуси, России
и Казахстана
по итогам
трехсторонней
встречи в Москве
подписали
Декларацию
о евразийской
экономической
интеграции.
18 ноября 2011 года

ступил в газете «Известия» с резонансной статьёй «Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня», часто рассматриваемой как пример реанимации имперского мышления и имперской политической практики. Во всяком случае, почти все средства массовой информации в Европе отреагировали на эту публикацию именно так. Памятен коллаж в одной из польских газет: В. Путин изображен в шапке-ушанке со звездой, серпом и молотом в виде кокарды, а сверху красными буквами высится знакомая аббревиатура «СССР».

Примечательно, что критики евразийского проекта мало что говорят по его существу. Да и что можно возразить против Единого экономического пространства, Таможенного союза, развития интеграционных процессов? Опасения высказываются в иной плоскости: с точки зрения реанимации империи и возможных непредсказуемых последствий этого события. Кстати, чем чаще В. Путин утверждает, что «речь не идет о реанимации СССР», что это наивно и недалководно, тем меньше ему верят. О корнях подобных страхов и предубеждений писали в своих трудах еще русские мыслители XIX века: Россия и Европа – это разные «метафизические сущности», разные цивилизационные и культурные типы, и снятие подобных предубеждений еще ждет своего часа. Как говорил Ф. Достоевский: «...мы

не Европа», «мы не в состоянии втиснуть себя ни в одну из западных форм», «для Европы Россия – одна из загадок Сфинкса» и т.д. [7, с. 11–18].

В данном случае мы сталкиваемся не со старым спором славянофилов и западников, а с действительно реальным непониманием процессов, происходящих у нас в стране (странах) на протяжении многих веков. И ведь ничего, по сути, не изменилось. Непонимание (иногда взаимное) до сих пор рождает опаску и неприязнь. Однако ведь не царская Россия и не СССР развязывали, в частности, мировые войны.

Нередко слышится утверждение, что Евразийское содружество должно стать «живым организмом». В условиях отсутствия четко заявленной универсальной идеи, а о ней и в упомянутой статье российского лидера нет ни слова, оно может восприниматься как намек на то, что такая идея рано или поздно постучится в нашу общую дверь. Возможно, речь пойдет о новом качестве имперского мышления и имперской практики, связанной с идеями евразийского сосуществования. Это – как раз то новое, что может дать дополнительный импульс развитию нового межгосударственного объединения. «Запад есть Запад, Восток есть Восток», – говорил Р. Киплинг, и они вряд ли сойдутся. В условиях глобального мира евразийская идея есть попытка преодоления этой очень живучей максимы, попытка найти общие точки соприкосновения. ▀

ЛИТЕРАТУРА

1. Федотов, Г.П. Судьба и грехи России: в 2 т. / Г.П. Федотов. – Т. 2. – СПб.: София, 1992. – 349 с.
2. Бачинин, В.А. Малая христианская энциклопедия: в 4 т. – Т. 2. Социология. Политология. Правоведение / В.А. Бачинин. – СПб.: Шандал, 2004. – 368 стр.
3. Петросян, Ю.А. Османская империя: могущество и гибель. Исторические очерки / Ю.А. Петросян. – М.: Эксмо, 2003. – 416 с.
4. Шимов, Я. Австро-Венгерская империя / Я. Шимов. Австро-Венгерская империя. – М.: Эксмо, 2003. – 608 с.
5. Бердяев, Н.А. Судьба России / Н.А. Бердяев. – М.: Мысль, 1990. – 208 с.
6. Соловьев, В.С. Россия и Вселенная Церковь / В.С. Соловьев. – Минск: Харвест, 1999. – 1600 с.
7. Достоевский, Ф. Политическое завещание: сб. статей за 1861–1881 гг. / Ф. Достоевский; сост., предисл. С. Сергеев. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – 480 с.
8. Розанов, В.В. Уединенное / В.В. Розанов. – М.: Эксмо, 2006. – 959 с.